

A close-up portrait of a woman's face, focusing on her eyes and a tear falling from her left eye. She is wearing a dark, ornate headpiece with intricate scrollwork. The lighting is warm and dramatic, highlighting her features.

Свидришская Н.

Хроники Нордланда

**Королева
Мэг**

16+

Наталья Свидрицкая
**Хроники Нордланда.
Королева Мэг**

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Свидрицкая Н.

Хроники Нордланда. Королева Мэг / Н. Свидрицкая — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Прямого отношения к истории близнецов эта книга не имеет. Речь в ней идёт о событиях, которые произошли за пятьсот лет до их рождения; её герои - это Аскольд Хлоринг, ставший впоследствии Святым Аскольдом, и Карл Хлоринг, его сын и будущий великий король. Книга расскажет, почему Элиот называется "Городом Мёртвой Королевы", а так же раскроет тайну запертой комнаты в Золотой башне.

Королева
Мэг

История Нордланда, – утверждает её историк, Гай Гэролд Хлоринг, – *таинственным и роковым образом тесно переплетена с историей рода Хлорингов*. Он так и назвал свою книгу: «*История Нордланда и Хлорингов*»; Это был труд всей его жизни, ради создания которого он изучил сотни рукописей, побывал во всех уголках острова и отыскал множество забытых могил и надписей. Он слыл беспристрастным историком, и в его книге равно отражены как страницы семейной славы, так и семейного позора. Он, первый из Хорингов, посмел признать, что вся история этого рода – это цепь бесконечных преступлений против собственной крови. На протяжении трёхсот лет до его рождения Хлоринги истребляли друг друга, с умыслом либо случайно, пока Генрих Фрэнсис и его сводный брат Арне Гуннар Хлоринги не разорвали этот порочный круг и не сняли со своей семьи старинного проклятия. Недрогнувшей рукой писал Гай Гэролд об убийствах, предательствах и изменах, свершённых своими дальними и близкими предками; он писал о том, как век от века росло и возвеличивалось Зло, и в конце концов едва не погубило Остров... Но одну историю в свою книгу он не включил. Мало того. Найдя древнюю рукопись с описанием тех событий, он не колеблясь, уничтожил её; та же участь ожидала и надпись на старинной могильной плите. Вместо древней надписи он велел вырезать просто имя: «Мэг», – и год: «1078 от РХ». Остаток времени перед своим последним отплытием в Ирландию он посвятил тому, чтобы отыскать оставшиеся на острове упоминания о Мэг и уничтожить их. И только много позже, по просьбе Генриха Фрэнсиса, он по памяти записал эту историю и прислал ему с просьбой сохранить её в величайшей тайне. Ни он, ни брат его так и не рискнули обнародовать её и бросить тень на священные для Нордланда имена святого Аскольда и Карла II Основателя.

Глава первая

Берсерк

1

Элодис готовился встречать свою будущую королеву. Прошло восемь месяцев с тех пор, как Скульд, дядя короля, уехал в Ирландию; за это время он заключил союз с королём Колем и сосватал юному принцу Элодиса дочь Коля, Моргаузу. Прибытие Скульда и невесты ожидалось со дня на день, и на высоких белых утёсах Элодиса круглые сутки дежурили часовые, поджидая корабль. Не так давно пришли вести от Скульда: невесте пятнадцать, она отличается добрым нравом и не дурна собой. Но, кажется, обрадовались только король и королева, что же касается принца, Карла, то он вёл себя демонстративно безразлично.

Дети Аскольда и Зуры несколько лет умирали один за другим, и мальчики, которых было больше, и девочки, пока однажды отчаявшемуся королю не пришлось видение: дважды он увидел на рассвете белую голубку, стучавшуюся в окно. На третий раз голубку увидела и Зура; а через день она призналась королю, что вновь беременна. Ей было уже двадцать девять лет – в этом возрасте женщины Элодиса уже ожидали первых внуков. Король и королева вместе приняли христианство, и свято уверовали, что именно благодаря этому мальчик не только родился, но и вырос здоровым и крепким. Карл с рождения привык думать, что он Наследник, главное сокровище семьи и королевства, и даже, как прямой потомок Бьёрга Чёрного, всего Острова, и вёл себя соответственно. Впрочем, держаться с достоинством ему было не трудно: как почти все мужчины в роду Хлорингов, он был высок ростом и силен, а после того, как его дед, король Карл Первый, взял в жёны эльфу Дрейдре из Элодисского леса, к достоинствам Хлорингов добавилась и редкостная красота. В это лето Карлу должно было исполниться девятнадцать, он

мужал и становился причиной девичьих слёз и грёз всего Элодиса. Но мечты стольких девушек были тщетны: Карл должен был достаться ирландской принцессе.

Нельзя сказать, что Карл был совершенно равнодушен в момент свершения его судьбы; но родителям его казалось, что гораздо больше волновало принца, будут ли среди приданного Моргаузы знаменитые ирландские волкодавы? Он особо напоминал Скульду о них перед отплытием того в Ирландию, и теперь всё гадал, не забыл ли своё обещание дядя. Королева даже попрекнула сына тем, что он совершенно не понимает важности происходящего, а король счёл нужным напомнить, до чего важен и почётен для Элодиса союз с таким сильным и могучим королевством, как Ирландия. Ведь вокруг Элодиса враги, главный из которых – король Анвалона Эрик Одноглазый, когда-то захвативший власть в Нордланде после смерти Карла Первого и много лет охотившийся на маленького Аскольда. Сейчас Элодис – большое королевство; но две трети его населения – это дикие, враждебные Хлорингам племена, и почти все земли заняты непроходимым Элодисским лесом. Лучшие земли Нордланда, Междуречье Снейка, Лав и Вопли, принадлежали Одноглазому, и вот уже десять лет Аскольд вёл с Одноглазым войну за эти земли.

– Золото, которое принесёт Моргауза, поможет нам выиграть войну. – Внушал сыну Аскольд. Карл сидел боком на стуле с высокой резной спинкой по правую руку от королевы, и, слегка выпятив нижнюю губу, катал хлебные мякиши. Рот у него был крупный и красивый, но несколько капризный, а когда он ещё и кривил его, вид его становился прямо – таки вызывающе высокомерным. Принц был настолько уверен в себе, что даже его лёгкая картавость ничуть ему не мешала.

– Я уже много раз слышал, насколько все здесь рады союзу с Ирландией, и как это выгодно. – Упрямо произнёс принц, когда отец потребовал, чтобы тот хоть что-то сказал. – Но никто ещё не заикнулся, чем это выгодно лично мне! Что я получу?

– Чем ты слушаешь! – Возмутился король, а королева мягко сказала:

– Ты получишь молодую красивую жену!

– Спасибо, мама. – Карл бросил хлебным мякишем в собаку. – Мне никакой пока не хочется! – И, не дожидаясь новых родительских поучений, перемахнул прямо через стол и побежал к выходу, сопровождаемый сворой собак и двоюродным братом, Олле Ульвенном, всюду с самого рождения сопровождавшим принца. Олле, чуть замешкавшись, чтобы проглотить кусок и запить его, побежал вслед за Карлом.

Тот уже был во дворе.

– Пошла она к дьяволу, эта принцесса! – Заявил подбежавшему Олле. – Поехали к Юне!

– Король будет не доволен!

– А мне по фигу!

Юна была дочкой Аши, женщины, сбегавшей из Леса в Гранствилл, как десятки таких женщин в те дни. Законы диких племён в отношении женщин в те дни были страшно суровыми; не зная другого закона, они терпели, но как только появились первые завоеватели-викинги и построенные ими города, как женщины стали массово бежать к ним из леса. Аша появилась в Гранствилле уже с дочкой, и теперь жила с небогатым саксонским рыцарем Торкиллем, чей каменный дом стоял в конце единственной улице Гранствилла.

Триста лет спустя, во времена Гая Гэролда и Генриха, Гранствилл был большой столичный город, славный своими колоколами и ювелирами, и находился уже на правом, а не на левом берегу Ригины, далеко от замка. Во времена Аскольда же город был намного меньше и располагался прямо под замком, вдоль дороги к Фьяллару. Скульд ещё в юности, завоёвывая для своего брата Карла Первого Элодис, наткнулся на заброшенную эльфийскую дорогу в Элодисском лесу, мощёную местным желтовато-белым известняком. Дорога привела Скульда в глубь Элодисского леса, к огромной круглой башне, неведом, кем и зачем выстроенной здесь. Ведь эльфы Элодис не строили из камня, и не жили в каменных строениях. Дикари тоже не строили

таких башен; одни из них рыли себе землянки, другие плели на деревьях хижины, а на островах, образованных протоками Фьяллара на южной оконечности Нордланда, племена пастухов устраивали себе жилища меж гигантских валунов, издавна стоявших группами на равнинах, поросших вереском. И ни одно из этих племён не способно было не то что башню, но даже крепкий каменный дом выстроить.

Скульду полюбили и башня, и река, и лес. В Элодисском лесу были какие-то чистота, и ясность, и свежесть, хотя это был настоящий дикий лес. После страшной войны с драконами эльфы Нордланда находились на грани исчезновения, и помощь Карла Первого была им очень кстати; само собой, они не препятствовали завоеваниям Скульда, заключив негласное соглашение не вторгаться в чащобы Элодиса. Впервые увидев Ригину, Скульд в тот же миг поклялся себе, что присоединит Элодис к королевству Карла Первого и станет герцогом этого края, а замок построит здесь: вокруг этой невиданно-высокой башни, золотистой при солнечном свете, и призрачно-белой при лунном.

Случилось так, что королевство распалось, смута и чума погубили большинство новых городов. Вместо одного королевства на Острове стало три, враждующих друг с другом. Скульд много лет скрывался при помощи эльфов в Элодисском лесу, копя силы, растя племянника, собирая по крупицам людей, золото, силы, земли. Он мечтал сохранить род Хлорингов и вернуть ему силы и влияние, а там и весь Остров. Практически из ничего Скульд в короткий срок создал королевство, способное соперничать с сильным Анвалоном, но сам предпочитал держаться в тени, приписывая заслуги Аскольду. Не ради него, ради славы рода, ибо род, кровь, семья были понятиями, священными для Скульда, на совести которого тяжким грузом лежало убийство родного брата, Хельга. Под его опекой Гранствилл, который двадцать лет назад был населён крысами, истлевающими чумными трупами да горсткой выживших людей, сейчас по тем меркам был вполне приличным городом, вёл выгодную торговлю мехами, воском и лесом, выстроил у себя постоянный и торговый дворы, имел каменную христианскую церковь, первую в Нордланде, и конечно же, замок, самый красивый замок Острова, который Хлоринги приобрели, потеряв Урт в Блэкбурге; величественный белый замок, с вершины древней башни которого виден был весь Элодисский лес...

2.

Торкиль радужно встретил принца и Олле. Не то, чтобы ему нравилось, что принц волочится за его приёмной дочкой, но выбора у него всё равно не было, и, взвесив плохое и хорошее с чисто саксонской рассудительностью, Торкиль решил остановиться на хорошем: принц был щедр. Правда, он унаследовал порок мужчин из рода Хлорингов, берсеркское бешенство; порой на принца накатывала чёрная ярость, и тогда он не понимал, что делает, кроша и ломая всё перед собой, как бешеный бык. А Юна как раз умела, как никто, спровоцировать эти приступы, так как была вздорной, избалованной и не особенно умной красавицей. Светловолосая, пепельная, с серыми глазами, которые при определённом освещении казались лиловыми, стройная, немного сухопарая, как большинство уроженок Леса, грациозная, с кудрявыми волосами, которые вечно выбивались из причёски и вились по длинной шее соблазнительными прядями, Юна крепко знала себе цену, очень гордилась тем, что Карл выбрал её, и отнюдь не считала, что он сделал ей одолжение – скорее, наоборот. Не смотря на уговоры Торкилля и Аши, Юна ни в какую не желала стать благоразумной, не смотря даже на то, что уже не раз Олле выхватывал её из-под носа принца буквально в последний момент. Да и выгодно оно было: после такой вспышки Карл всегда раскаивался, и заваливал Юну и её семью подарками. На зависть всему Гранствиллу, Юна щеголяла золотыми украшениями и дорогими тканями; в доме не переводилось дорогое вино, дичь и экзотические сласти; но чем сильнее баловал принц свою подружку, тем чаще дулась и выделывалась Юна.

Сейчас она дулась из-за того, что Карл собирается жениться. У неё уже были по этому поводу разговоры и с отчимом, и с матерью, но Юна категорически не желала принимать всё, как есть. Сначала она вообще не хотела выходить и накрывать на стол гостям; а когда Торкиль приказал ей всё же выйти, она так фыркала, швыряла на стол посуду и блюда и огрызалась, что Карл сам начал закипать. Но держался до последнего – именно сегодня ему хотелось доказать самому себе и семье, что он сам выбрал себе женщину; и пока что надеялся, что после небольшого отпора Юна всё таки подарит ему то, ради чего принц сюда и ходил.

– Все твои предки женились на местных женщинах. – Быстро и ловко двигаясь по комнате, передёргивая выразительными плечами, с восхитительным местным акцентом говорила Юна. – Один ты не таков! Какой король был Карл Первый, другого такого не было и не будет, а он взял в дом Дрейдре из Леса!

– Юна, я не ссориться пришёл.

– А зачем? Зачем ты вообще ко мне ходишь? Девушки твоей родины тебе ведь уже нехороши! Тебе подавай лебединую кровь, хоть сам ты был и будешь сын волчицы из Леса!

– Не нужна мне ирландка! – Обиделся Карл. – Ты прекрасно знаешь, что я не хотел...

– Как же – как же!!! Вся семья тебе пятки лижет, и тут вдруг насильно женят тебя! Ха-ха! – Юна перебросила косу на спину. – Ха-ха-ха! Расскажи это Зуре!

– Дрейдре эльфа. – Ревниво заметил Олле. – А не дикарка.

– И что?! – Запальчиво возразила Юна. – Сам-то ты кто? Карлова шестёрка, кто твой отец?! Ульвен, мама дорогая! Да у неё пузо на глаза лезло, когда она с Ульвеном на...

– Заткнись! – Вспыхнул Карл. – Не тронь мою родню! Я сто раз говорил – не тронь мою мать!!!

– А я не прошу, чтобы ты меня трогал! – Тоже вспыхнула Юна. – Если я тебе не хороша, то и не надо; я не служанка, и не подстилка на ночь!!! Если думаешь, что я буду ублажать...

– Юна, иди к себе! – Мягко, так как заметил первые признаки, произнёс Торкиль. – Давай, девочка.

– Ненавижу эту дуру! – Крикнул Карл, швырнув о стол медный кубок так, что тот погнулся, а вся посуда на столе попадала. Тёмно-красное вино попало на светлую юбку Юны, как кровь. Олле мгновенно схватил Юну за плечи и вытолкнул за дверь, а Торкиль осторожно отодвинулся в угол.

– Ненавижу эту невесту!!! – Бесился Карл. – Всё это ненавижу, всё!!!

– А не съездить ли нам лучше к Енсену? – Как ни в чём ни бывало предложил Олле. – У них в этом году эль лучше всех!

– Пошёл ты... и эль туда же!

– А ты не ори на меня! – Тоже рывкнул Олле, и Карл вдруг успокоился. Иногда это срабатывало: если сохранять хладнокровие, принц впадал в ярость, если же так же разозлиться, то Карл странным образом успокаивался сам. Сработало и теперь: он успокоился, дал Торкилью серебро за помятую посуду и поехал с Олле пить эль.

– Какая же она дура, а?! – Запальчиво и чуть больше обычного картавя, говорил Карл. – Нет, я порой убить её готов! Большой дуры я в жизни не видел!!! Не будь она так красива... Красивая ведь, да? – С тоской признал он, жалея, что не получил ласки от Юны, которой по-прежнему хотел. – Вот была бы королева!

– Юна? Брось! – Олле сделал губами пренебрежительный звук. – Юна – королева! В ней никакой породы нет, никакого величия. Соблазнительная и никчёмная... Она не достойна занять место Зуры!

– Скажи, – мгновенно завёлся Карл, – как она смеет трогать мою мать?!

Королеву Карл безумно любил. Не смотря на возраст, Зура была по-прежнему красива и преисполнена достоинства; многие признавали, что с возрастом она становилась только красивее. Аскольд получил Зуру в качестве военного трофея, после того, как убил вождя одного

из диких племён и захватил в плен его семью. Дочь вождя, гордая и строптивая красавица, встретила Аскольда дикой ненавистью и попыткой убить... Но не прошло и года, как она полюбила полуэльфа, сына Белой Волчицы Элодиса, всем сердцем, всей душой. Аскольд отвечал такой же любовью и преданностью жене: как ни требовал Скульд, чтобы король избавился от бездетной королевы, тот, обычно беспрекословно подчиняясь дяде, здесь оказался твёрд, как скала. Карл гордился родителями, гордился своим родом, собой, и задевать его гордость было рискованно. Несмотря на юность, он уже давно показал себя и свой характер; даже со Скульдом принц уже начал понемногу делить власть, хотя Хозяина Элодиса боялся даже король. Так что Юна действительно рисковала, касаясь святых для Карла вещей.

У Енсена их нашёл гонец короля. На побережье развели костёр: высоко над лесом поднялся столб жёлтого дыма, и это значило, что пора было встречать корабль из Ирландии со Скульдом и невестой для принца. Почти против его воли, Карла известие это взволновало. Аскольд ждал какой-нибудь подлости со стороны Одноглазого, и Карла сопровождал большой отряд копьеносцев; ехать предстояло долгим кружным путём – хорошей дороги через Элодисский лес не было. Путь лежал по древней дороге к Фьяллару, потом по опушке леса вдоль спорных территорий, за которые воевал Элодис, к эльфийскому побережью, которое до сих пор ещё не восстановилось после войны с драконами. Карл надеялся встретить невесту где-нибудь на середине пути.

Собрались и выехали в тот же день, и ехали быстро. Ночевали уже на опушке леса, на берегу широко разнившегося в этом месте Фьяллара. Карл нервничал, и не умел это скрыть. Олле пытался спать – ему было любопытно, но не более того, – а Карл спать не мог.

– Я не хочу жениться. – Жаловался он. – Ну, по крайней мере, не так. Мне нравится моя жизнь! А жена, она будет что-то требовать от меня...

– Что-то весьма приятное! – Захихикал сонный Ульвен. – Не понимаю, чего ты страдаешь? Она молодая и красивая, как говорят, а жениться тебе всё равно нужно. Или ты из-за Юны?

– А если и из-за неё?! – Обиделся Карл. – Мой прадед, мой дед, мой отец – все женились на местных женщинах, и все по любви, один я, как дурак, должен жениться на политике! Кто она такая, эта Моргауза, а?! Скульд сказал, что она красивая... Старый чёрт! Это он так решил, не я! А Юна... Она красавица, как раз такая, как я люблю, согласись?

– Угу...

– Когда вижу её, у меня мурашки такие, и внизу, ну, ты знаешь, щекочется так приятно. А когда долго её не вижу, у меня тошно на сердце, вот и всё. – Карл лёг навзничь, закинув руки за голову. – Как некстати она появилась, эта принцесса... Только всё стало получаться с Юной...

– Будешь спать и с той, и с той, делов – то. Все так делают.

– А если она не пустит?

– Пустит.

– Она гордая... – Усомнился Карл, который искренне так думал.

– Она просто вредная.

– Знаешь, чего я хочу? – Сказал вдруг Карл, когда Олле уже засыпал.

– Ну? – Вымученно спросил Олле.

– Чтобы Одноглазый украл Маргаузу и сам на ней женился! Я даже хотел помолиться, чтобы корабль затонул, но там же Скульд...

– А вот теперь ты фигню какую-то собираешь, опасную! Спи!

3.

Едва рассвело, как все были в сёдлах и уже спешили на восток. Край был разорён войной; богатейшие земли Острова, словно свежие раны, зияли пожарищами. Ближе к Фьяллару,

где восстанавливались замки, деревни, пашни, всё выглядело уже вполне пристойно, но чем дальше, тем более запущенным становился край. На реке Омь, где сделали ещё одну ночёвку, были уже совершеннейшие дичь и глушь, а на озере Зеркальном было просто жутковато: здесь разгорелась самая страшная битва, за всю историю Острова. Здесь находился дворец эльфийских королей – когда-то, и драконы выжгли местность эту практически дотла. Дома и крепости превратились в оплывшие и обугленные скалы странных очертаний, ни на что не похожие, которые медленно, очень медленно зарастали травами и деревьями. Карл с большим волнением всегда смотрел на эти места, потому, что это была его история, его семья. Если бы не его дед, Карл Первый, драконы бы победили, и сейчас вся история Острова шла бы совсем иным путём, и Карл очень гордился этим. Теперь он думал, что сейчас расскажет это неведомой принцессе, и против воли чувствовал приятное волнение от этого, которое всё возрастало по мере того, как приближалась их встреча. Зеркальное ещё не скрылось из глаз, а Карл уже увидел двигавшуюся навстречу большую процессию и узнал Скульда. Сердце Карла бешено забилося. Не оглядываясь, он пришпорил коня и помчался вперёд, уже на скаку пытаясь рассмотреть принцессу.

Она ехала рядом со Скульдом. Карл увидел её, и больше не видел какое-то время уже больше никого. Моргауза была дивно красива! Тонкая, узкая в кости, изящная, белокожая и черноволосая, с чёрными тонкими бровями вразлёт, большими карими прекрасными глазами, с пухлыми губами, она сидела в седле, выпрямившись, как язычок пламени, и тоже не сводила с него глаз. Первой мыслью Карла даже было: «Не может быть, чтобы она приехала сюда из Ирландии *для меня!*».

Моргауза смотрела на него почти с таким же самым чувством. Всю дорогу Скульд интриговал её, ничего не рассказывая о женихе, как ни старалась она, как не пыталась выпытать всякими хитростями, и совершенно её измучил за время пути. Но теперь она всё поняла: Скульд дразнил её, потому, что Карл оказался молод и красив, и Скульд заставил её понять это вот так, сразу, просто огорошив принцессу его внешностью. Это вышло, как удар, как вспышка! Ей понравилось именно то, что не нравилось другим: его большой, капризный рот, его выражение высокомерного и избалованного мальчишки. Горячий конь под ним гарцевал и крутился, и Карлу приходилось поворачиваться в седле, словно нарочно, рисуясь перед Моргаузой, которой ещё не приходилось видеть такого красивого юноши. Эльфийская кровь давала себя знать: Карл был стройный, гибкий, но уже сильный и мужественный.

– Познакомься с принцессой Моргаузой, Карл. – Усмехнулся Скульд, довольный произведённым эффектом. Девушка улыбнулась, и у Карла мурашки побежали по спине, столько вызывающей чувственности было в дрожании её изящных ноздрей, в том, как шевельнулись и раздвинулись её пухлые тёмные губы, обнажив ряд белых зубов... Но в тот же миг она и потеряла его, потому, что Карл не любил слишком чувственных женщин, и не выносил женщин доступных. Ему нравились женщины, пусть даже глупые и вздорные, но чтобы их нужно было добиваться, с которыми нужно было воевать. Моргауза обещала сразу так много, что Карл утратил к ней интерес, даже не прикоснувшись, не смотря на всю её красоту.

Поехав рядом с дядей, которого столько не видел, Карл сразу же начал с вопросов, и тут стало ясно, что Моргауза обладала и ещё одним совершенно невыносимым недостатком: она не давала рта открыт без того, чтобы не высказать своё мнение и не перебивать окружающих самым бесцеремонным образом. Правда, Скульд умел её держать в руках, – Скульд умел держать в руках кого угодно, – но это неприятно задело Карла, который не выносил, когда его перебивали. Мгновенно заметив недовольство, Скульд отвлек Карла разговором об Ирландии. Оглядываясь на свиту Моргаузы, Карл заметил трёх странных женщин. Одна из них была ровесница его матери, а две другие – совсем юные, в одинаковой коричневой одежде, в платках...

– А это кто? – Спросил Карл.

– Монашки. – Пренебрежительно фыркнула Моргауза. – Они прослышали, что большинство здешних – язычники, и собираются основать здесь женский монастырь.

– Кто такие монашки? – Искренне удивился Карл, и Скульд сухогато засмеялся:

– Ну же, Карл! Это невесты Христа. В этой жизни они не знают греха, чтобы нетронутыми уйти в рай.

Карл с новым интересом оглянулся на женщин, и встретился взглядом с одной из них. У девушки, совсем юной, едва ли не моложе Моргаузы, были удивительные глаза, синие, как небо осенью, чистые, большие и очень блестящие. Карл увидел только глаза, лицо совершенно потерялось перед дивной красотой этих глаз. Миг, и она, покраснев, низко потупилась, спряталась за своих товарок, а Карл продолжал видеть внутренним взглядом сияющие эти глаза, и на какое-то время совершенно выпал из реальности.

Справа и сзади осталось огромное Зеркальное озеро, и удивительная история этого места. Равнодушие Моргаузы, с которым принцесса отнеслась к ней, Карла оскорбило. Она не сочла нужным даже сделать вид, что ей интересно, и очень скоро Карл понял, что Моргауза презирает королевство, которым собирается править, считает их всех дикарями, и очень гордится своим происхождением.

– Хлоринги происходят от бога Тога, полюбившего смертную женщину. – Обидчиво заявил Карл. – Скульд подтвердит!

– Он уже рассказывал. – Пренебрежительно фыркнула Моргауза. – И про три дара, которые больше на проклятия похожи! Что там?.. Меч, который вы потеряли, неуязвимость в бою, которая больше на бешенство похожа, и что ещё?.. Ах, бессмертная любовь! А я слышала, что Хлоринги прокляты. Правда, я в это не верю. А ты любил, Скульд? Если всё это правда, ты должен был любить.

Карл с любопытством глянул на Скульда. Представить этого хитрого, хладнокровного и равнодушного человека влюблённым – это было что-то!

– Я Хлоринг. – невозмутимо возразил Скульд. – Я любил... Только давно. Она умерла, и больше я не встречал достойной женщины.

– Как в песне! – Смех Моргаузы, на взгляд Карла, прозвучал как-то обидно. – Только нельзя забывать, что ваш Тор – просто деревяшка, а значит, вся эта история – чушь и бред для последнего слова. Вот великие короли в Таре...

Карл и часа не провёл рядом с Моргаузой, но уже не мог слышать про великих королей в Таре, а потому просто отвернулся и вновь оглянулся на синеглазую девушку. Она явно пряталась от него, и ему было досадно... Так хотелось взглянуть хоть разочек ещё на эти удивительные глаза! Девушка была худенькая, хрупкая, с выступающими ключицами, тонкими запястьями, обычная тоненькая девушка – подросток, светлая, с редкими веснушками, и очень тёмными бровями и ресницами. Беспорядочное коричневое платье и передник делали её некрасивой, да по большому счёту, ничего сильно красивого в ней и не было, если не считать глаз и удивительной, пронизывающей нежности. Карла обволакивала эта нежность, окружала в его глазах девушку каким-то удивительным сиянием, которое он постоянно ощущал, даже не видя её. Ему хотелось защитить эту девушку от всего зла мира, от обид и страхов, и это чувство, такое новое для него, делало его другим. Карл чувствовал себя старше, взрослее; благодаря этой нежности и стремлению защитить он вдруг ощутил себя мужчиной в самом лучшем смысле этого слова. Это было такое удивительное ощущение! Только что он был мальчишкой – так ему казалось, – и вдруг он в один миг сделался взрослым! Карла не оставляло ощущение происходящего прямо теперь, с ним, чуда, он даже напрочь забыл, куда и зачем едет. Всё стало каким-то неважным. Ведь с ним такое произошло!

– Совсем забыл. – Скульд заметил, что общаются только он и Моргауза, а Карл витает бог, весть где. – У меня есть подарок для тебя лично от короля Коля, Карл. – Он сделал знак рукой, и слуга, взяв в одной из повозок корзину, подал её Карлу. В корзине оказались два толстых

сонных щенка; ещё пару часов назад Карл был бы счастлив, как мальчишка, но теперь лишь усмехнулся довольно. Новые переживания совершенно затмили то, что когда-то ему было так важно.

– Это настоящие ирландские волкодавы? – С тенью прежнего интереса поинтересовался он.

– Кобель и сучка от двух лучших помётов! – Гордо подтвердила Моргауза. – Король сам выбрал их для тебя! – И это слегка растопило его лёд в отношении невесты.

После обеда Карл заметил далеко на северо-западе, примерно над Лосиным Островом, на котором располагался город Лионес, стаю птиц в чистом небе. Скульд проследил за его взглядом и спросил серьёзно:

– И кто же, по-твоему, их спугнул?

– Не знаю... – Задумчиво произнёс Карл. – Они гнездятся на юге острова, сам знаешь, там люди не бывают, там нечисто.

– Что там?! – Тут же услышала Моргауза, испуганно глядя на чёрные двигающиеся точки.

– Захоронение. – Пояснил Скульд. – Мёртвых эльфов нельзя зарывать в землю; их надо либо сжигать, либо оставлять лесу, но не зарывать. А этих зарыли, и теперь они не могут найти покой.

Моргауза быстро перекрестилась. Суеверная, она сильно боялась всего потустороннего, хоть сама баловалась колдовством, и это была одна из причин, по которой ирландский король выдавал её замуж в неведомый Элодис. Вторая причина была ещё серьёзнее: она заключалась в мёртвом младенце, которого Моргауза родила от норвежского наёмника. Она клялась, что это было насилие, но поговаривали, что этот младенец был не первым её грешком. Колю едва удалось замять огласку, но не без крови. Моргаузу нужно было срочно сбыть с рук, и простак из Элодиса подвернулись как нельзя более кстати: Моргауза думала, мечтала и говорила только о мужчинах, и вела себя так, что краснели самые раскованные и бывалые бабы. Король Коль справедливо считал, что некая сумма золотом и серебром, украшения, ткани, дорогая посуда, породистые лошади и два щенка были не такой уж большой ценой за возможность сбыть с рук это красивое и червивое яблочко.

С виду, конечно, всё выглядело очень пристойно. С Моргаузой прибыла достойная её положения свита: кормилица, горничные, отряд воинов в тридцать человек, даже два мавра – пажа, совершенно диковинная вещь для Нордланда, на которых с боязливым удивлением поглядывали местные воины.

А Моргауза не сводила глаз с Карла. Её жених оказался привлекательнее, чем она ожидала, чем могла предположить, и это было всё, что её интересовало. Она не замечала дикой красоты мест, по которой они ехали, не видела благородных оленей меж деревьями близкого леса, стада зубров вдалеке, исчезнувшего в высоких серебристых травах... А здесь было дивно красиво! Ближе к Фьяллару шрамы, оставленные войнами, были уже почти не видны, и здесь было удивительно хорошо. Из серебристых трав на равнине вставали известняковые скалы, на вершинах которых находили уют коршуны; а с лева под порывами тёплого ветра вздыхала листва огромного леса.

– Какая огромная и дикая земля! – Вдохнула матушка Анна, оглядываясь. Две её спутницы, уставшие от жары и езды в тряском возке, тихонько вздохнули. Потом Мэг сказала:

– Здесь прекрасно... Как в сказке. Мне просто не верится, что мы уже здесь. А знаете, что мне сегодня снилось?

– Что, Мэгги?

– Мне снилось, что я вынула из силков хорошенькую синюю птичку. На крыльях её была кровь. Я грела её в своих ладонях, но она всё равно умерла. И мне так её жалко, и так печально было весь день! Тяжело на сердце. Мне так жаль, что это был мой первый сон в Элодисе!

– Почему жаль, дорогая?

– Не знаю, матушка. Мне кажется, что это вещий сон, и что эта птичка – это моя жизнь.

– Ты просто устала, милая. – Ласково пригладила Анна волосы Мэг, влажные у висков. – Голубая птичка – это добрый знак. Не переживай!

Мэг вдруг залилась краской: это Карл неожиданно подошёл к монашкам и спросил:

– Это правда, что вы хотите основать здесь монастырь?

– Чистая правда, принц. – С певучим акцентом ответила Анна. – Говорят, что здесь много язычников.

– О, этого здесь сколько угодно, и каких хотите! – Весело улыбнулся Карл. Улыбался он ярко и весело, как-то даже трогательно, опасной улыбкой... Очень опасной. – Как вам нравится Элодис, леди?

– Такой дикий, роскошный край! Здесь так легко дышится.

– Я уверен, вы полюбите Элодис, когда поживёте здесь подольше. И можете рассчитывать на меня, если нужны будут помощь и защита, ведь... – Карл загляделся на склонённую макушку Мэг, на миг утратил нить разговора, но нашёлся:

– Ведь я христианин, как и вы.

Мэг упорно не смотрела на него, но принц видел, что она полна внимания и сильно напряжена. Было такое ощущение, что ей очень-очень страшно, но чего она боится, Мэг не понимала. Она только знала, что более красивого и удивительного мужского лица она никогда в жизни не видала, но дело было не в красоте. Как Карл с ума сходил от разлитой во всём существе Мэг нежности, так Мэг казалось, что Карл наделён всем, что только могло быть лучшего и привлекательного в мужчине. И просто удивительно, как она разглядела всё это, ведь смотреть на него ей по-прежнему было страшно! Карл заговорил с Анной, не смея обратиться к Мэг, но в мыслях его, сердце и языке была девушка – ангел... Иногда он начинал чуть-чуть заикаться от волнения, и это было так мило, так мило! «Он, наверное, переживает от того, что картавит. – Думала Мэг, почти не дыша слушая, как говорят Анна и Карл. – Интересно, кто-нибудь говорит ему, как чудно звучит его голос именно из-за картавости, и каким удивительным образом порок становится...достоинством?..». Ею овладела опасная иллюзия: девушке казалось, что никто не понимает и не чувствует его так, как она. Мэг погибала просто катастрофически быстро, у неё просто не оставалось ни единого шанса. И оба они не думали, что всё, что происходит, опасно и не нужно им обоим. Они вообще ни о чём не думали. Ему было восемнадцать, а ей – только-только исполнилось пятнадцать...

А вот Анне было тридцать три, и голова у неё на плечах была толковая. Но случилось так, что она не поняла Карла, не разглядела истинной причины того, что он краснеет, заикается и пользуется любым предлогом, чтобы очутиться рядом с монашками, причём это мигом заметили все, кому не лень. При этом Карл на Мэг не смотрел, не обращался к ней и не спрашивал про неё. Как Анне было не обознаться?.. Она была ещё не стара и довольно красива. В первые минуты она ещё отказывалась сама себе верить, и строго разбранила себя за суетные мысли, но всё складывалось так, что мысли эти крепили и подтверждались сотнями мелочей. Ведь поверить в это было так соблазнительно и лестно! Принц был так красив и молод... Так молод!

4.

К ночи все устали от жары и духоты, и вечер не принёс облегчения. Духота только ещё сгустилась; неровный ветер, налетающий порывами, был горячим и душным. Горячими были вода и даже тень; все просто попадали на привале, люди двигались вяло и то и дело огрызались друг с другом.

– Здесь всегда так? – Простонала Моргауза, которую обмахивала веткой кормилица Морлан. – И комары... Мерзость!!!

– Только перед грозой, моя леди. – Ответил Скульд. Ответил несколько рассеянно: Карл и Олле были на ногах, и вновь следили за птицами и рекой. Не смотря на юность, они были уже опытными бойцами – война, которую вели Элодис и Анвалон, превращала мальчиков в мужчин очень быстро и очень рано.

– Да всё нормально, Карл. – Говорил Олле вполголоса. – Зверь или охотник...

– Король говорит, что Одноглазый такого случая не упустит. – Возражал Карл. – И я так считаю, и Скульд.

– Ты же хотел что-то в этом роде! – Не упустил случая, подковырнул Карла Олле. – А тут такой случай!

– Дурак ты. – Фыркнул Карл. – Вот теперь ты чушь несёшь, а не я!

– Что, красивая, а? – Подмигнул Олле. – Юна ей и в подмётки не годится! Я такой красавицы в жизни не видел!

– Слишком красивая. – Карл нахмурился. Заметил, что монашки уже устроились на ночлег, и вновь направился к ним – это провожали уже усмешки и подмигивания, и Скульду это не нравилось. Но он пока делал вид, что ничего не происходит. Скульд не мог поверить, что Карлу может понравиться женщина возраста его матери – принц слишком почтительно относился к возрасту. Скорее всего, думал Скульд, Карлу понравилась Моргауза, но принц был слишком своенравен и самолюбив, чтобы просто признать это; он мог делать это просто на зло, чтобы позлить дядю, заставить невесту ревновать. Мало ли.

– У вас всё есть, что нужно? – Спросил Карл, приветливо улыбаясь. – Душновато, а?.. Гроза будет, после этого будет легче.

– На всё воля Божья. – Бодро улыбнулась Анна. – И гроза – только одно из проявлений Божьей воли.

Олле остановился рядом с Карлом, молчаливый и неслышный, как тень. Он тоже думал, что Карл просто дразнит Моргаузу и Скульда; только, в отличие от Скульда, был полностью на стороне брата и друга, и готов был поддержать любую его игру.

– Я послал за ключевой водой. – Пообещал Карл. – И как только её принесут... А, вот! – Он взял кувшин с водой, протянул Анне. Та спросила, у всех ли есть вода, и только после этого дала пить Мэг и Пегги, второй девушке. Карл, замирая от сладкого страха, рискнул взглянуть на Мэг, пока та пила, быстро, очень быстро, но ему хватило впечатлений на всю ночь. Он заметил и влажную кожу ключиц, и блеск воды на губах, и чуть учащённое дыхание... Всё это было так важно, так необыкновенно, так ему нравилось! Девушки смочили виски и ключицы, переглядываясь и чему-то тихо смеясь, и Карл, вновь испугавшись чего-то, отвернулся к Анне.

– Скажите, – сказал он, присев на траву рядом с Анной, – ведь Ирландия – в самом деле очень большое и сильное королевство?

– Да, принц. Союз с ним...

– Да, я уже понял. Я слышал, что у короля Коля есть ещё дочери?

– Двое, принц.

– Они такие же красивые, как Моргауза?

– Они хороши, но твоя невеста была самой красивой!

– Она же не старшая дочь?

– Она младшая из всех детей короля.

– Наверное, она очень сильно захотела поехать в Элодис, а? – Вдруг прямо взглянул на Анну Карл. – Таковую красивую дочь, да еще и младшую, Коль мог выдать за кого угодно?

– Я не настолько хорошо... не настолько... – Растерялась Анна, закашлялась:

– Эти комары!.. Я хотела сказать, что не могу судить, как там, в королевской семье...

Одно могу сказать: Скульд просто очаровал всех в Маллингаре. Мы просто влюбились в него, и король – не исключение.

– Да... – Рассеянно подтвердил Карл. – Скульд – это нечто.

– А правда, – поспешила Анна, – что женщины Элодиса живут не венчанные, не крестят детей и меняют мужей?

– Правда про венчание и крестины, но не про мужей. – Покачал головой Карл. – Женщины Элодиса обязаны хранить верность мужу даже после смерти. А на севере женщину и вовсе закапывают живьём в землю вместе с мёртвым мужем.

Монашки ахнули, все трое, но Карл услышал лишь один возглас, и посмотрел лишь на одну девушку, когда улыбнулся нежно и ободряюще:

– Вам бояться абсолютно нечего. Мы здесь христиане, и законы наши – христианские.

Мэг впервые посмотрела на Карла прямо, и он ощутил острую, на грани мучения, радость от того, что увидел, наконец, опять её взгляд. Глаза Мэг показались ему даже более блестящими, синими и прекрасными, чем ему помнилось!

– Но разве вы не пытаетесь что-то сделать, чтобы это изменить? – Воскликнула Анна. – Это же чудовищно, принц!

– Да. – Откровенно ответил Карл. – Я не думаю, как викинги, что дикарей надо уничтожить, как бешеных псов; я всё-таки на две трети сам – такой дикарь. Я считаю, что это тоже мои подданные, и следует как-то убедить их. Я очень надеюсь на церковь. Много женщин из Леса уходят к викингам; женщина женщину поймёт скорее, правда?

Когда Карл ушёл, Анна всё не могла прийти в себя.

– До чего умный мальчик! – Наконец, смогла сказать она. – Как ужасно... Как ужасно!

– Ты думаешь, матушка, он догадался, что она...

– Думаю, он догадывается. – Анна покаянно перекрестилась. – Стыдно, что хоть косвенно, но мы замешаны в этом! Помогите, Господь, ей и ему тоже... Он не похож на тех, кто прощает!

Ветер налетел сначала с одной стороны, потом с другой, потом – со всех сторон сразу. Гроза, с ливнем, громом и молниями, налетела стремительно, и так же стремительно промчалась, и деревья отряхивали с листьев тяжёлые капли, а в лесной глубине что-то вздыхало и шепталось. Воздух посвежел, и все оживились, заговорили; кто-то запел. То, что все промокли, не особенно тревожило привычных к походным условиям людей. На небе скоро не осталось ни единого облачка, и оказалось, что, не смотря на время около полуночи, небо всё ещё светлое, какое-то белёсое, с остатками нежно-сиреневых облачков-пёрышек.

Зато в лесу стоял мрак и странные звуки и шелесты. Далеко в степи выли волки. Скоро почти все стихли; у костра разговаривали мужчины, и туда же пришла, неслышно ступая, Моргауза. Она не выносила, если мужчины собирались где-то, а она не участвовала!

Присев у костра, Моргауза тут же завладела разговором и вниманием мужчин, и от костра только и слышно было: «Я... А вот у меня... Мне...». Те, кто расположился в стороне от костра, притихли и грустили. Это было первое время вдали от дома, от Ирландии, в чужой стране. Вдали по-прежнему выли волки.

– Мэгенн, спой нам. – Попросила Анна. Мэг не ломалась и не кокетничала. Чуть изменив позу, она тихонько запела гимн на латыни; постепенно голос её окреп и поднялся, и зазвучал, и люди потянулись в её сторону, очарованные пением и мелодией. Неведомо, где таилась такая сила голоса, потому, что сама Мэг была худенькая и хрупкая, но голос у неё был в самом деле сильный и красивый. Никто не занимался с нею, никто не ставил ей голос, это был талант от Бога, и такой, какой еще не видали в Элодисе! Пока Мэг пела, стояла мёртвая тишина; лишь замолкнув, девушка заметила, что все собрались вокруг неё, и страшно смутилась... А Карл, первым придя в себя, подошёл, отдал ей гривну с золотыми украшениями, попытался что-то сказать, но волнение и ком в горле помешали; но все вокруг нестройным гулом выразили восхищение поступком принца. А если бы в этот миг Мэг поймала взгляд Моргаузы, ревнивый и подозрительный, то испугалась бы по-настоящему...

5.

На другой день наконец-то достигли обжитых мест. Фьяллар был более километра шириной в этом месте, с галечными отмелями и плёсами, с группами лесистых островов, и Карл постоянно ждал неприятностей, хотя с виду было всё прекрасно. Вдоль реки появились деревни и замки, покосы, поля и сады, и привалы теперь были куда комфортнее... Люди выбежали посмотреть на ирландскую принцессу, поражаясь её редкостной красотой, а ещё – столь же редкостным высокомерием, с которым она смотрела поверх их голов. Карл тоже был высокомерным, но он-то был свой, и его высокомерие не так оскорбляло, как презрение Моргаузы. Ещё сильнее дивились все маврам, их кофейным лицам и ослепительным зубам, их экзотическим клинкам... Были даже такие, кто откровенно спрашивали, чем они рожи так поизмазали?.. Но мавры игнорировали любопытных совершенно, словно их здесь и не было. Рыцари, владельцы замков и поместий, встречали принцессу со всеми положенными почестями, но та только кривила нос, не стесняясь поминутно заявлять, что страна эта «варварская». Ей в Элодесе нравилось. Можно было драть перед всеми нос и ощущать себя высшим существом – приятное ощущение! А главное, дать, наконец, Карлу понять, до чего ему повезло, а то он, кажется, пока что это не до конца понял. Принц так все ещё и не попытался ни приблизиться к Моргаузе, ни прикоснуться к ней, и её это оскорбляло. Не смотря на её красоту и происхождение, мужчины принцессу, инстинктивно чувствуя, с кем имеют дело, презирали. Ухаживания их были самые примитивные и самые недвусмысленные, но ей это нравилось, она других всё равно не понимала. Если мужчина не пытался сразу же грубо её облапать, не бросал сальных комплиментов и не делал известных предложений, принцесса считала его равнодушным и обижалась. Попытки как-то урезонить её и попытаться дать ей хоть какое-то представление о женской гордости и достоинстве она принимала в штыки, считая, что это просто зависть. В самом деле: мужчины хотят её и восхищаются ею, и что в этом плохого?.. А то, что остальные бабы на неё злятся и осуждают, так на то они и бабы. Карл ей ужасно нравился, и равнодушие, с которым он относился к её красоте, сильно принцессу уязвляло. Он продолжал общаться с мужчинами да с этой монашенкой... Моргауза видела соперниц во всём, что двигалось и при этом не было мужчиной, поэтому то, что она монашка, и даже то, что ей больше тридцати, не помешало принцессе принять меры. После обеда, когда все седлали коней и готовились продолжить путь, Моргауза подошла к Анне и вполголоса заговорила:

– Ты, старая сука, если ещё раз подойдёшь к моему жениху, пожалеешь, поняла?!

– Моя леди... – Растерялась Анна, кровь бросилась ей в лицо, но Моргауза и глазом не повела:

– Ты меня слышала!

– Я монахиня, леди, и ваши подозрения...

– А мне плевать, кто ты, кошка старая! – Моргауза заметила, что к ней спешит кормилица, и пошла прочь, а Анна осталась, в полнейшей растерянности. До этого мгновения она старалась не допускать до себя суетные мечты о любви молоденького принца; довольно здраво полагая, что он слишком молод, что она слишком стара для него, Анна просто наслаждалась лестным для неё вниманием. Моргауза всё расставила на свои места. Анна больше не собиралась бороться. Да и зачем?.. Если вот она, принцесса, подтверждает все её мечты и чаяния! И по пути Анна отдалась мечтам, горьким и сладким, как польнь. Конечно же, нечего и думать, чтобы она позволила принцу лишнее. Она монахиня... Он – принц. Они должны помнить свой долг. Но сами мечты эти были такие сладостные, такие упоительные! Как они объяснятся, как она скажет: нам не быть вместе, как он будет настаивать, и что при этом скажет, и как трудно ей будет устоять – а устоять надо... Это были лучшие моменты её жизни! И разве так уж она была виновата, что ошиблась?.. Ей невдомёк было, что в то же самое время о принце грезит и Мэг.

«Почему, – думала девушка, – я не могу поговорить с ним?.. Он часто обращается к нам, и я могла бы спросить его, как матушка, или Пегги, но я не могу! Мне страшно! Но от чего?.. Вот О’Мелли: красивый, стройный, храбрый. Я спокойно смотрю на него, мне не стыдно, не страшно, я просто смотрю, а могу и не смотреть, мне всё равно! Почему же на *него* мне смотреть и так хочется, и так страшно?». Набравшись решимости, Мэг спросила Карла, долго ли им ещё ехать. Страшно сказать, каково ей было при этом! И Карл чувствовал себя не лучше. Он покраснел, начал заикаться, страшно разозлился на себя и сбежал; но сразу после этого его охватило такое ощущение счастья, какого Карл до сих пор не видывал. Она заговорила с ним *сама*! Она сама посмотрела на него и заговорила с ним!!! Карлу хотелось носиться вокруг и хвастать об этом, и он еле сдерживался, чтобы прямо сейчас не рассказать всё Олле. Он дурачился, смеялся, тут же делался задумчив, рассеян, и вновь веселился... Чем очень порадовал Скульда, который верно распознал признаки влюблённости, вот только с объектом не угадал.

Наконец, миновав перелески, все въехали в лес, и стало сумрачно, прохладно, и запахло прелью. В мелькании золотых пятен и пятен солнечного света все ехали по Элодисскому лесу, огромному, загадочному, опасному, но прекрасному. Чем дальше оставалась опушка, тем гуще становились заросли вокруг тропы, тем плотнее смыкалась листва над головой... Вдруг Карл поднял руку, и все остановились. Он напряжённо прислушивался к чему-то; потом расчехлил лук и устроил его поперёк седла.

– Что такое? – Резко спросила Моргауза.

– Птицы. – Коротко пояснил Скульд. – Они молчат, моя леди. Принц знает лес, доверься ему!

Через несколько минут первый всадник выехал на широкую поляну, спускавшуюся прямо на берег Фьяллара, и здесь они попали в засаду.

– О-Э!!! – Протяжно крикнул Карл, оскалившись и ударяя мечом по щиту. А потом вдруг сорвал куртку и рубашку...

– Что он делает?! – Вскрикнула Мэг, прячась с Анной и Пегги за возок.

– Помоги, Господь, нашей принцессе! – Перекрестилась Анна. – Он берсерк!

6.

Меж анвалонцами оказались и люди из Далвегана, и Скульд и Карл горячо обсуждали новость о том, объединились ли их давние враги, или просто наняли несколько человек в качестве проводников. Монахини были заняты ранеными, а Мэг то и дело отвлекалась, заглядываясь на Карла. Он был невредим, но выглядел подавленным и несчастным, и сердце Мэг ныло и томилось. Ей казалось, что Карл несчастен, что приступ буйства, которой так перепугал её в первый момент, его самого делает больным... Нельзя ли, – мечтала Мэг, – как-то излечить его от них, спасти его?.. – и не подозревала, что об этом же в этот самый момент мечтают втихомолку Моргауза и Анна.

А Карл понятия не имел, что его мечтают спасти, что он несчастен, и тому подобное. Да, боевое бешенство отнимало много сил, и после он чувствовал себя выжатым, но принц гордился этим, хоть и опасался своего буйства в частной жизни. Зато он заметил, что Мэг поглядывает на него чаще, и глаза её блестят сильнее, когда они встречаются взглядом, и естественно, слегка возгордился. Ему казалось, что это благодаря его боевой удали. Карл так осмелел, что впервые за всю дорогу обратился к Мэг.

У принца был ещё один, и очень серьёзный, недостаток: он не умел красиво говорить. Собственно, волнуясь, он вообще не умел говорить. Карл знал, что заикается, стоит ему разволноваться, и начинал злиться, замолкал и сильно страдал от этого. Обычно его выручал Олле, говоря за него, особенно в любовных делах; но сейчас Карлу хотелось бы, очень хотелось, обойтись без него. И сегодня ему показалось, что сейчас это получится. Всю дорогу принц мучился от мысли, думает ли о нём Мэг, занято ли им сердце девушки, или он ей безразличен? То ему

казалось, что да, а то – нет. Это казалось ему таким важным, что выяснение этого вопроса стало практически, вопросом жизни и смерти для него. Отсюда и страх, и волнение, и несвойственная Карлу робость... Но принц был человеком действия, и долго колебаться просто физически не умел.

Мэг, мысли которой в этот миг полны были только Карлом, даже не удивилась, что он подошёл. Она была абсолютно уверена, что он подойдёт, ждала этого, и испытала страх и радость при его приближении, но не потупилась. Её переполняли сочувствие и нежность, и Карл, увидев эту нежность в синих глазах, совершенно потерялся. Они точно знали, что никто и никогда не испытывал ничего подобного тому, что стало с ними! Это было волшебство, самое настоящее, это было счастье, самое истинное, и важнее этого не могло быть ничего на земле. И неважно было, что это вновь были какие-то минуты, мимолётные, со стороны совершенно не важные.

– Не испугалась? – Спросил он, с лёгкой полуулыбкой, весь охваченный какой-то лихой радостью.

– Испугалась. – Сказала она.

– Не бойся. – Пообещал он. – Я не дам тебя обидеть. Никогда.

7.

К середине пятого дня наконец-то принцесса Моргауза прибыла в Гранствилл. Король и королева встретили будущую невестку за милю от замка, на обрывистом берегу Ригины, у деревни Старое Место, с которой открывался великолепный вид на замок за рекой. Даже принцесса была поражена красотой и величиной замка; массивный, он не был громоздким. Все пропорции пятиэтажного строения поражали стройностью и гармонией, даже каким-то изяществом. Пока принцесса любовалась замком, король и королева любовались принцессой. Особенно королева – она просто глаз не могла оторвать от девушки, чувствуя огромное облегчение. Она безумно любила своего позднего сына, и беспокоилась, глядя, как он злится и переживает из-за своей женитьбы. Зура понимала, что это каприз мальчишки, привыкшего всё делать по-своему, но любовь её была слаба: она жалела его именно за то, что он так капризен и эгоистичен. Ей казалось, что люди меньше будут любить его за это... Королева не знала, как научить его быть более гибким, способным на компромисс, как заставить его слушать других людей?.. Теперь ей стало спокойнее. Она заметила, как переменялся Карл, мгновенно подметила, каким новым светом засияли его глаза, и грустила, и радовалась, и ревновала немножко: мальчик стал взрослым.

– Как она хороша! – Шепнула она королю. Тот кивнул, улыбнувшись.

– Я так рада. Он полюбит её. Всё будет хорошо.

– Скульд никогда не ошибается.

– Он тоже любит Карла... Он не выбрал бы ему дурную невесту. Господи, как я рада!

На пиру в честь Моргаузы и новой победы Элодиса Карл и Олле в лицах изображали сражение, высмеивали при этом своих врагов, много пили, много ели, хвастались – короче, здорово повеселились. В разгар веселья принц утащил Олле в угол и долго и бессвязно рассказывал другу, в какое сложное попал положение, и про «друга, который всё думает, думает об одной девушке, а думать-то про неё и нельзя, и что мне, Олле, теперь делать?»

– Ну, пусть у этого друга голова и болит, ты-то при чём? – Удивился Олле.

– Ну... При всём. – Непонятно ответил Карл.

– Так поговори с ней.

– С кем?

– С девушкой. Если он сам поговорить с нею боится, поговори ты. Или я давай поговорю, ты-то говорилка тот ещё. Только давай, завтра? И, это, что это за друг у тебя объявился?

– Потом расскажу. – Пообещал Карл. – Иду, мам!

Королева не знала, как приласкать Моргаузу, и тем ласковее, чем сильнее глодал её червячок ревности: ей было совестно. В общем ликовании Зура не заметила безразличия Карла, и потом, ночью, даже поплакала от радости за сына и гордости за него.

– Наш мальчик ведь тоже не абы кто! – Похвасталась мужу. – Где она, при всей своей красоте, такого ещё найдёт? И молодой, и красивый, и статный!

– Не загордись. – С нежной насмешкой заметил Аскольд. – Сына ты мне подарила хорошего, мать, но помни, в чьей это было власти, и Кто на самом деле даёт и отнимает, не гневи Бога.

– Так ведь я разве что чуть-чуть. – Приласкалась к королю Зура. – Я так счастлива!

– Девочка-то не особо умна. – Заметил Аскольд немного погодя.

– Ну, и что? Так даже лучше. А понравится телом – понравится и делом, делов-то!

– Это да... – Аскольд поморщился, повернулся на другой бок, затаив дыхание, и Зура погладила его плечо:

– Опять?..

– Пройдёт. – Возразил он. – Вот, уже и прошло.

– У тебя сердце колотится.

– Это от вина. Пройдёт. Спи.

Моргауза в этот момент беседовала со своей кормилицей совсем в другом ключе. Она была уверена, что свекровь её сразу невзлюбила, а король, ну, тот и вовсе полуэльф, а значит, ведьмак, и ухо с ним надо держать остро.

– И правильно, – расчёсывая роскошные волосы принцессы, поддакивала кормилица. – Местные бабы все, через одну, ведьмы и дикарки. Я тут кое-что приготовила, от сглаза и порчи – не ровен час, сглазят, при твоей-то красоте небесной, моя сладкая ягодка! А особенно бойся королевы, не к добру это – когда свекровь так красива! Я слышала, женщины говорили, что у неё семеро детей умерло один за другим, и всё на праздник их местный, бесовский, тьфу!

– Да неужто?! – Испугалась суеверная Моргауза. – Когда же?!

– Да Ель какую-то они почитают, да так, что говорят, весь Остров их в эти дни горит огнём, светло, как днём, от огней, и людей живых, – они обе перекрестились, – в огонь бросают и пляшут! В дикое место отослал тебя твой батюшка, бедная моя ягодка, в страшное! Ну, да с Божьей помощью, мы выдюжим, ты даже не сомневайся! Господь и святой Патрик не оставят тебя, и я не оставлю. И другие ирландцы все за тебя, ты не сомневайся, и в обиду мы тебя не дадим!

Замок, после буйного веселья, затихал и успокаивался. Мэг сидела в своей комнате, которую делила с Пегги, и смотрела на Золотую Башню. На самом деле помещение было большое, и постелей – самых простых, деревянных, с соломенными тюфяками, – было больше, но сейчас они здесь были только вдвоём. Пегги уснула, и Мэг была рада этому. Местный священник, отец Марк, был рад единоверкам, и долго рассказывал Анне, как им здесь живётся. Христианских семей здесь было всего шестеро, включая королевскую, а истинных христиан и того меньше – пожалуй, только сам король да его супруга соблюдали все посты и правила. Принц, например, тот вроде и христианин, а якшается с язычниками, и посещает их бесовские праздники; а дядя короля, Скульд – тот вообще верует только в золото и власть, и что ему сейчас выгодно, то и будет. А власть у него огромная, что есть, то есть, и король и королева против него слова молвить не смеют. Женщины в Гранствилле, что бежали из леса, вот на кого сильно рассчитывал отец Марк. Уже двое из них, в том числе и Аша, обратились в новую веру, а с ними и их мужья, викинги. И как кстати будут здесь Анна и её девочки!.. А Мэг, не подозревая, какая на неё возложена честь, грезила о принце. Она была сирота, с тёмным каким-то происхождением – Анна не распространялась на эту тему, а сама Мэг ничего о себе не помнила, – и знала только монастырь. Собственно, таких юных девочек не постригали так рано, давали время, воспитывали.

вая при монастыре; такое происходило только в том случае, если кому-то очень нужно было, чтобы девочка как можно скорее исчезла, погибла для мира. Возможно, потому её увезли и из Ирландии? Анна не собиралась распространяться и на эту тему. А Мэг пока не спрашивала. Она была набожна, и была довольна своим положением, верила, что это честь. Сердце её было чисто, и страстей она не знала... И вдруг страсть настигла её, вот так, вдруг, и Мэг потеряла покой и сон, не понимая, что с ней. Вроде бы это было плохо, вроде бы, она грешила, но сердце не верило, что это грех – что она такого сделала?! Мэг ведь не знала даже, что такое страсть, что происходит между женщиной и мужчиной, и от чего на самом деле так бьётся её сердце и пылает кровь. А главное – она не верила, что грешен может быть Карл... Нет-нет, только не он! Даже думать о нём так было преступление, он был... Самый-самый лучший... Как солнце, или святой... Мэг мечтала, что будет встречать его каждый день, в церкви, или в городе, и будет помотать ему – как сегодня говорила матушка, и служить ему, как принцу и королю, и ничего более греховного в её мечтах, видит Бог, не было! Разве что ей, как и Карлу, было почему-то страшно важно, думает ли он о ней, и если думает, то как?.. И когда она снова его увидит – завтра, с утра, вечером?.. И какой будет эта встреча? «Не бойся. – Лелеяла она в сердце его слова, голос, взгляд, – я не дам тебя обидеть. Никогда».

Проанализировав всё, что говорил и делал в этот день Карл, Олле, протрезвев, вдруг разбудил двоюродного брата на рассвете и огорошил вопросом:

– Эй, ты что, влюбился в монашку?!

Карл некоторое время смотрел на него мутными спросонок глазами, потом кивнул.

– Я думаю только о ней всё время.

– Но... Она же старая!!!

– Эй, ты о ком?! – Мгновенно проснулся Карл.

– Ну... О той монашке, возле которой ты вертелся всё время. Разве...

– Нет! – Карл рассердился и покраснел. – Другая... Мэгенн. Та, что с синими глазами.

– Но ты же с нею не разговаривал! Нет, я видел, как ты к ним клеишься, но я думал, что ты вызнаешь у них про Моргаузу. Я и не подумал... Нет, ты здорово всех провёл, а я то думал, ты скрытничать не умеешь! Надо же, а?

– Да я не скрытничал... – Взъерошил волосы Карл. – Просто... Я боялся. Не знаю, чего, честно, просто страшно было. Я и сейчас боюсь. Мне страшно было даже посмотреть на неё, а говорить с нею я и вовсе не могу.

– Вот глупости! Ты никогда не был таким. Девчонки на тебя гроздьями вешаются, только успевай, отбивайся!

– Не сравнивай, – в священном негодовании воскликнул Карл, – этих дур, и Мэг!!! Она... чистая, нежная, она... *Не такая!!!*

– Оба! – Озадаченно уставился на Карла Олле. Карл изменился, да так сильно, что Олле только что не ущипнул себя. Он заметил синеглазую монашку, но она показалась ему какой-то тощенькой, простенькой, только глаза и есть, да и те вечно прячутся за ресницами. То ли дело Моргауза... Да и Юна, чего там, казалась Олле куда эффектнее и желанней. А вот Карл, кажись, думал иначе.

– Да ты когда успел-то? – Недоумевал Олле. – Ты же с ней двух слов не сказал, я всё время с тобою был! Ты даже не смотрел на неё!

– Мне страшно было. – Сознался Карл. – Хотел, и не смел... Но мне кажется, что я любил её всегда, всю жизнь. Я не знаю, как жил без неё, всё переменялось, навсегда, понимаешь?

– Не очень. А Юна? Ты же вот только что чуть не бредил ею!

– Забудь. – Равнодушно возразил Карл. – Она никто для меня. И принцесса, и прочие бабы – все никто. Понимаешь, это... больше меня самого, это как мои припадки – только что я всё понимаю, и контролирую, и вот я уже что-то натворил, и с этим жить. Я словно... лечу, мне воздуха не хватает, я... Счастлив. Я порвать готов за эту девушку, мне страшно, что кто-

то сделает ей больно, расстроит её, обидит – за её обиду я убить готов, клянусь! Я не знаю, как, не знаю, когда, но мы будем с нею вместе, и весь мир мне не помешает в этом! А ты? – Он взглянул в глаза Олле. – Ты – со мной?

– Всегда. – Не колеблясь, ответил Олле. – Ты же знаешь.

8.

По дороге в трапезную их перехватила Стил, девушка из свиты королевы, и сказала, что та просит сына к себе. Карл пошёл к матери, а Стил задержалась построить глазки Олле.

Королева сидела в своих огромных покоях и занималась обычным делом королевы: шила. Увидев сына, она расцвела, отложила шитьё и расцеловала Карла в обе щёки и в лоб. Карл привычно уселся у её ног и положил голову ей на колени.

– Тебе нравится невеста, сын? – Спросила королева, нежно перебирая его густые коричневые волосы.

– Красивая. – Небрежно обронил Карл.

– И такая внимательная! Привезла подарки мне и королю, спросила, чем может помочь мне. Мы с женщинами уже шьём для вас бельё из самого тонкого полотна. Но что ты хмуришься? Ну–ка, посмотри на меня, Чарли! Что с тобой? Она тебе не нравится?!

– Она красавица, мама.

– Значит, ты её полюбишь! Король завтра назначит день свадьбы...

– Свадьбы? – Дрогнул Карл.

– Да что с тобой такое?

– Мама, я не люблю Моргаузу и не женюсь на ней. – Равнодушно произнёс Карл. – Никакой свадьбы не будет.

– Что ты такое говоришь?! – Ужаснулась королева. – Разве ты сможешь поступить так с девушкой, которая проделала такой путь ради тебя?! Ты не унизишь так её и короля Коля! Поздно что-то менять!

– Она красавица, мама, и легко найдёт себе другого жениха. Если с нею, конечно, всё в порядке.

– О чём ты?

– Мне странно, вот и всё. – Нахмурился Карл. – Почему она приехала так вот, просто, без долгих переговоров, торгов, посольства? Ты разве не понимаешь, что Элодис не может быть для Ирландии так уж выгоден, и нужен? У меня такое чувство, что её просто сплавил сюда, подальше, чтобы... Ну, не знаю. Может, она дура конченная, может, ещё что похуже. Короче: она мне не нужна. А если Скульд так хочет породниться с ирландцами, пусть сам на ней и женится.

– Ты зря так говоришь! – Вступилась за Элодис королева. – Элодис быстро меняется! И эти новые земли, что завоевал уже твой отец, уже приносят доход. Ты не видел, каким был Элодис до твоего рождения! И это не предел. С деньгами Моргаузы, и с ирландскими наёмниками, королевство наше станет ещё сильнее. Думаю, Скульд просто сумел объяснить всё это королю Колю, вот и всё. Ты знаешь, как он это умеет! Подумай...

– Мама, ты предлагаешь мне подумать о Моргаузе, об Элодисе, о чём угодно, только не о себе самом! – Вспыхнул Карл.

– Но ты же не обычный человек! Ты принц, и обязан думать о своём королевстве всегда! Я люблю тебя даже больше, чем ты сам себя любишь, и если я говорю тебе: «Ты должен!», – значит, ты в самом деле должен!

– Я женюсь, но только на другой.

– А что, есть другая?.. Эта Юна?!

– Нет. На ирландке. Так что я не очень обижу Ирландию.

– Это монашка, о которой мне говорили?! Господь милосердный, да она моя ровесница! Карл!!!

– Мама, нет!! Это не она, это другая... Тоже монашка.

– Тогда забудь её сразу же, сынок! – Взволнованно взмолилась королева, уже сейчас в ужасе от того, как отреагирует король. – Она невеста Христа, и с Таким женихом ты соперничать не можешь, не смеешь! Ты большие беды на нас навлечёшь, ты слышишь? Ты понимаешь?!

– Да-да. – Равнодушно согласился Карл, и это новое в нём, это несвойственное ему равнодушие, сильно покорило её. Королева вдруг впервые в жизни почувствовала себя для него чужой. Она чувствовала, что он не согласился с нею и не передумал, и это очень её испугало.

А Карл, выйдя от матери, позвал Олле и сказал:

– Я сказал матери, что не женюсь на Моргаузе. Щас она наябедничает отцу, и тут начнётся! Я должен поговорить с Мэг, как можно скорее. Я должен знать, сама она любит меня, и пойдёт за меня, если я попрошу? Если да, я на всё пойду и ничего не испугаюсь! Устрой нам встречу, ладно?

– Ты хоть понимаешь...

– Понимаю. Мой дед так же женился на Дрейдре, и его даже сослали на Север за эту женитьбу. Они пять лет жили в ссылке. Но он считал, что дело того стоит... Считаю и я!

– А ирландцы?

– Скульд всё уладит. Он это устроил, он пусть и расхлёбывает! Я Колю ничего не обещал, а его дочке – и подавно. Будут знать, как без меня меня женить!

– Ты знаешь, – засомневался Олле, – мне кажется, что в этот раз...

– Куда они денутся? – Самоуверенно и горячо заговорил Карл. – Я понимаю, что будет шум, будет скандал, я не пацан! Пройдёт время, все успокоятся, и мы будем счастливы, вот и всё. Только устрой нам встречу, сделай это, Олле!

– Хорошо. – Пообещал Олле. – Если она не захочет, я на руках её к тебе принесу! – Он отправился в Гранствилл, а Карл, охваченный радостным возбуждением, поспешил в трапезную, где уже собралась на завтрак вся семья.

– А где Олле? – Ответив на его приветствие, спросила королева. – Вы так неразлучны!

– Отправился по делу, поест после. – Карл чуть ли не напевал, усаживаясь за стол. Король и королева переглянулись, и король, которому она ещё ничего не сказала, улыбнулся довольно, взглянув на Моргаузу, сидевшую по правую руку от принца.

Во время трапезы Моргауза время от времени невзначай касалась Карла, и всякий раз по её нежной коже разливался румянец. Принц невольно бросал на неё косые взгляды: она всё-таки привлекала его. Он рассматривал её руки, маленькие, с тонкими пальчиками, заканчивающиеся острыми, загнутыми вниз коготками, которые придавали её рукам какой-то неприятно-хищный вид. Когда она брала кусок мяса и ела, принцу делалось неприятно, а почему – Бог, весть? От неё шёл запах молодого зверя в гоне, еле слышный, но отчётливый, Карла это и волновало, и злило. Этот запах будил в нём то же дикое и жестокое, что заставляло его становиться неуправляемым; ему легко было представить, как он грубо рвёт на ней одежду и валит на стол, и он боролся с этими фантазиями, чувствуя себя не чистым, как и она. Принц не мог сказать, что не хочет её, наоборот. Но от чего-то в ней, что он не смог бы объяснить, отталкивался всем своим существом, и это, как и влечение к Мэг, было сильнее него. Когда Моргауза касалась его, Карлу хотелось отстраниться, и он еле сдерживал себя. Помогало ему предвкушение встречи с Мэг. Ожидая её, Карл мог вытерпеть что угодно!

Олле не было до самого обеда. Карл отнёс другу кусок пирога и кружку пива в их общую комнату, и ждал там, изнывая от нетерпения. Когда на лестнице раздались шаги Олле, – а принц знал их наизусть, – он как раз лежал на постели навзничь, раскинув руки, и представлял, как объясняется с Мэг. Одним движением сорвавшись с постели, он бросился навстречу Олле:

– Говори!!!

Тот кивнул:

– Сегодня, после захода солнца, под старым вязом у рва.

– Почему так долго?

– Она боится, что её увидят.

– Она сразу согласилась?

– Как бы ни так! Только после того, как я пообещал, что украду её и притащу к тебе силой!

– Ты так ей и сказал?!

– Она ни за что не соглашалась. Я бы и в самом деле сделал то, что говорил, и она поверила.

– Я бы не хотел, чтобы она боялась меня. – Пробормотал обескураженный Карл. Олле, уже жадно набросившийся на еду, возразил:

– Чего ты хочешь?.. Иначе она бы не пришла!

– Ты думаешь?

Олле ел, а Карл смотрел в решетчатое окно на бесконечные волны лесных листьев, слабо колышимых тёплым юго-западным ветром и отливающих серебром.

– Моргауза красивее. – Вдруг невпопад сказал Олле. – Но в этой Мэг есть что-то такое... Был момент, когда мне стало так стыдно за себя! И я за все сокровища мира не соглашусь сделать ей в самом деле что-то дурное.

– Значит, ты понимаешь меня? – Глаза Карла засияли от радости. – Ты за меня?

– Да. – Кивнул Олле. – Я понимаю. И я за тебя.

Глава вторая

Свадьба.

1.

Солнце клонилось к закату удручающе медленно. Карл сидел с ногами на сундуке, одном из тех, что служили и украшениями, и сиденьями, и хранилищем всевозможных вещей, и смотрел на запад, на коварное солнце, неподвижно повисшее над верхушками деревьев. Лиственные волны теперь отливали смуглым золотом, а небо, с редкими перьями лёгких облаков, неуловимо начало отдавать лиловым. Место, которое неведомые строители выбрали для замка, было идеальным и с точки зрения обзора и обороны, и красоты: Карл безумно любил Гранствилл и Хефлинуэлл. Небольшие меловые холмы, поросшие лиственным лесом, окружали здесь две скалы, одну больше – на ней стояли замок и город, – и одну меньше, на ней стояли две деревни, Старое Место и Белая Горка. Почему Старое Место, никто не знал – может быть, в честь тех, кто когда-то построил Золотую Башню?.. Со скалы, на которой стоял замок, видна была вся округа, вплоть до Фьяллара, острова и, в солнечную погоду, даже Далвеган. За скалой вставал Элодисский лес, дикий, сумрачный, волшебный – там даже охотники не смели показываться, лесные эльфы ревниво оберегали свои владения. Хлоринги получили Золотую Башню и Ригину только благодаря браку Карла и Дрейдре; но не больше того. Люди селились по пойме Ригины и у Фьяллара, но как ни были те места плодородны и красивы, там было слишком опасно благодаря дикарям, словно призраки, возникающим из леса, убивающим и вновь исчезающим. Жрецы Голубой Ели, главные враги Хлорингов, поклялись, что очистят Остров от проклятых Людей Железа; а после того, как верховный вождь был убит Аскольдом, убийства Хлорингов и его людей стали для дикарей делом чести. На юге Острова было множество земли, которая теперь, когда эльфы не могли претендовать на неё – их осталось слишком мало, – номинально принадлежала Элодису, но по факту Хлоринги и носа туда сунуть не

смели. Скульд и король считали, что дикарей следовало уничтожить, а кто остался – превратить в рабов и использовать, пока и духу от них не останется. Скульд, чистокровный норвежец, не верил, что дикари могут когда-нибудь стать нормальными людьми, такими же, как он и его соплеменники. Но Карл считал иначе, и уже не раз вступал в яростные споры с королём и Скульдом из-за этого. Именно поэтому они держали его в стороне от военных действий, полагая, что он ещё не перебесился и не набрался ума. На днях Скульд прозрачно намекнул ему, что женитьба изменит его статус и позволит говорить с ними на равных... Это было заманчиво, но не могло поколебать решение Карла. Он женится на Мэг! *Он женится на Мэг!!!*

Но как же медленно идёт время!.. Солнце не двигалось назло ему, птицы пели, несомненно, составив какой-то вселенский заговор, и даже Оле, то появлявшийся, то исчезающий, его бесил тем, что утверждал, что ещё рано. На крепостной стене играли дети, и это Карла тоже раздражало... Но самое ужасное – когда сгустились сумерки, и Карл уже готов был мчаться к вязу, его позвал отец. Ему, видите ли, срочно приспичило узнать что-то! Боясь, что речь пойдёт о свадьбе, Карл просто сбежал. Они с Оле давно имели секретный выход из замка, с секретным лазом и незаметным спуском к самым кустам сирени над обрывом. Надо было только подтянуться на руках и спрыгнуть – и он... Ну, или удачно спустился, или нет. Когда как. Отряхнувшись, Карл шуганул пару собак, которые подняли было лай, но тут же узнали своего и проводили его до рва. Там рос старый узловатый вяз, ещё мощный, не смотря на явно почтенный возраст, и находилось очень удобное место для встреч и уединения, просто идеальное. Карл очутился здесь задолго до появления Мэг, и привычно устроился в ветвях над самой водой. Шпили низких башен Гранствилла засияли на закатном солнце нестерпимым блеском и погасли; а Мэг всё не было... Карл провёл под вязом больше часа, слушая стоны лягушек и пение сверчка. Изо рва несло тиной, а от отцветающей сирени – слабым запахом тления. Карл перебрался на камень под вязом, в слабой надежде, что Мэг просто не заметила его, но уже почти не верил в своё счастье и просто переживал разочарование. И вдруг она пришла. Карл вскочил, сияя, но тут же и напрягся: Мэг выглядела несчастной и испуганной. Остановилась в нескольких шагах от него, явно готовясь бежать, если что.

– Ты что, Мэг? – Спросил он. – Что случилось, тебя кто-то обидел?

– Конечно, сэр! – С чувством произнесла Мэг. – Я никак не ждала, что принц, который показался мне таким хорошим, окажется обыкновенным...

– Кем? – Нахмурился Карл.

– А как ещё это назвать! Твой слуга пришёл, угрожал мне...

– Он не слуга! Он друг и брат! Он обещал, что устроит наше свидание, и сдержал слово, хоть и... – Карл запнулся, мучительно подыскивая слово, заметил, что Мэг смотрит на него в ожидании, и в бешенстве от своей беспомощности пнул камень, схватил с земли палку, сломал и отшвырнул её в воду, а сам отошёл в тень вяза. Остановился, чувствуя себя глупо и обижаясь на Мэг.

– Хоть и что? – Не дождавшись продолжения, спросила Мэг.

– Ничего. – Глухо ответил Карл. – Иди! Я не собираюсь тебе уг-г... – Поняв, что заикается, страшно покраснел, больно прикусил губу. И Мэг его поняла. Может быть, от своей природной чуткости и деликатности, а может и потому, что он ей так нравился.

– Ты хотел сказать, что вовсе не просил своего друга угрожать мне? – Спросила она мягко. – Да?

Карл пожал плечами, не глядя на неё, но уже оттаивая.

– Тогда прости мне мою злость. – Попросила Мэг, подходя чуть ближе. – Пожалуйста.

Он обернулся и улыбнулся ей. Так это искренне получилось, так хорошо! Мэг чувствовала, что Карл прекрасен, и она готова на всё ради него, абсолютно на всё... Ей вновь стало страшно, но это был сладкий страх, страх – предвкушение чего-то необыкновенного и очень – очень важного.

– Я просто... – Он посмотрел ей в глаза, и впервые в жизни перестал бояться быть глупым в такой важный момент. Он почувствовал, что как бы он ни говорил, как бы ни выглядел, это неважно для Мэг. Это было такое волшебное чувство! – Я п-просто вот... т-так заикаюсь, – он смущённо усмехнулся, – когда волнуясь, ничего п-поделать не могу.

– А мне нравится, как ты заикаешься. – Хихикнула Мэг. – Это так мило. Правда-правда. Он приблизился ещё, и по коже Мэг побежали мурашки от его близости.

– Тебе здесь нравится? – Спросил Карл. Он волновался страшно, не зная, что говорить, и произносил какие-то глупости. От Мэг сладко и нежно пахло, он чувствовал её тепло, и у него дыхание перехватывало. Ни за что на свете он не посмел бы грубо прикоснуться к ней, испугать её, не дай Бог обидеть!

– Да. – Мэг чуть дрожала, от волнения, напряжения. – Такой прекрасный замок! Я никогда такого не видела. Вот бы побывать там внутри...

– Побываешь. – Обрадовался Карл. – И очень скоро. Если только захочешь...

– О чём ты? – Глаза Мэг расширились, когда он подошёл совсем близко.

– Мэг... – Он сглотнул, набираясь решимости, словно прыгнул в ледяную воду. – Мэг, я влюбился в тебя. С п-первого мига, клянусь, это не каприз, не шутка, я т-тебя люблю, я... Т-ты всё для меня!

– Но я... – Мэг сама не смогла говорить, покраснела сильнее, ноги ослабли. – У тебя... ты...

– Невеста?.. Д-да п-плевал я на н-неё! Она м-мне не нравится! Я её н-не выбирал, и не п-просил её привозить! Я женюсь на тебе. Если ты х-хочешь. Скажи. – Он заговорил тише, нежнее, Мэг вся оцепенела, с гибельным томлением глядя ему в глаза. – Видишь, ничего дурного у меня на уме нет... Это судьба, Мэг, неужели ты этого не чувствуешь? Ты не чувствуешь?.. – Он говорил чуть слышно, почти касаясь губами её губ, и Мэг слышала каждое слово, чувствуя его дыхание на своих губах. Соловьи надо рвом пели так, словно деревья сошли с ума, одуряюще пахла сирень. Губы Карла коснулись губ Мэг в первом в её жизни поцелуе, и она чуть не упала от внезапной слабости. Карл подхватил её и поцеловал вновь... Спросил чуть срывающимся голосом:

– Что дрожишь?

– Мне страшно. – Жалобно прошептала Мэг. Она не могла ни сопротивляться, ни даже отстраниться, наоборот, всё тело её неосознанно тянулось к нему. Карл сам отстранился, бережно поддерживая девушку.

– Не бойся. Я никогда не сделаю тебе ничего плохого, клянусь.

– Я знаю... – Мэг перевела дух, в тайне жалея, что он больше не целует её, и не смея прикоснуться к нему сама. – Я знаю, что ты самый лучший.

– Значит, ты согласна, да? – Обрадовался Карл. – Ты тоже меня любишь, правда, Мэг?

– Я не могу. – На глазах Мэг заблестели слёзы. – Я монахиня...

– Тебя неправильно сделали монахиней. – Быстро возразил Карл. – Я узн-навал! Ты ещё слишком молода, тебе н-надо было п-подождать, узнать своё сердце. Я знаю, чт-то твоё сердце стремится к-ко мне!

– Это грех!

– Л-любовь не грех! Я жениться хочу, не бл-лудить! Мэг! – Он старался быть убедительным изо всех сил, так, что даже перестал заикаться и не заметил этого. – Ты не знала меня, и я не знал... Но я не верю, что Господь дал нам встретиться только для того, чтобы посмеяться над нами, я не верю, что Он такой мелочный и злобный! – Не сдержавшись от её близости и волнения, вновь поцеловал её, и на этот раз они целовались дольше и нежнее; переводили дух и снова целовались. Карл не смел коснуться её помимо плеч и губ, хоть её тело было таким горячим, податливым и нежным, что для него это было почти подвигом.

– Так нельзя... – Мэг боролась изо всех сил, но безуспешно: она могла только на словах отрицать, тело же, покорное и дрожащее, млело от наслаждения. – Так нельзя...

– Но ты же меня любишь, не отрицай!

– Я не знаю... Наверное, люблю, я не знаю! Я никогда... Меня никто не касался так, пожалуйста... Дай мне время! – Они отстранились вновь. – Пожалуйста, дай мне время, дай мне прийти в себя, понять, что со мной! Мне кажется, я погибаю...

– Я не зверь, Мэг! – Карл ликовал. – Тебе только стоит сказать, и я покорюсь!

– Я же не сделала ничего дурного? – Жалобно спросила Мэг. – Я не ворую чужого жениха, не совершаю что-то...

– Я ничего Моргаузе не обещал и ничего у неё не просил. – Твёрдо сказал Карл. – Я даже не знал, что Скульд сватается к ней от моего имени! Вот пусть сам на ней и женится. А ты вообще не должна об этом думать, это не твоя забота! Я возьму все твои заботы себе, ангел мой, ты только люби меня и больше ничего!

– Я так... мне так страшно... но я так счастлива! – Призналась Мэг. – И ты единственный, кто так прикасался ко мне, и будешь единственный, до самой смерти.

– Не думай о смерти. – Засмеялся Карл. – Мы с тобой, как мои родители, будем любить друг друга долго-долго, пока не состаримся. Так мы с тобой договорились, да, Мэг?.. Завтра я приду сюда снова, и ты скажешь мне своё решение?

– Нет, не завтра. – Испугалась Мэг. – Завтра я не смогу. Через три дня.

– Зачем так долго?

– Так надо. – Мэг не смогла устоять от искушения, вновь позволить Карлу припасть к её губам. – Я буду думать о тебе... А если придёшь в церковь, то увидишь меня... А я – тебя. Только, умоляю, не подавай вида, что мы...

– Ладно. Я подожду... Если смогу. – Прощаясь, Карл всё не мог оторваться от Мэг и отпустить её; провожая её, он то и дело останавливался и вновь её целовал, так что пришли на задворки церкви они уже на рассвете. Опасаясь, что её увидят, Мэг наконец-то вырвалась и убежала, а Карл ещё бродил вокруг церкви, весь во власти счастливых грёз, ликования и тоски: три дня без Мэг!!! Карл не верил, что сможет вытерпеть столько. Восторгу его не было конца, так же, как тоске, любви и гордости. С помощью Оле, поджидавшего его в замке, Карл вернулся к себе, и там на Оле обрушились восторги влюблённого. Он так и не уснул; воображение и влюблённость внушали ему, что были какие-то особые взгляды, и вздохи, и какой-то иной смысл в словах... Карл не смел рассказать о том, что было слишком интимным, коснуться того, что принадлежало только ему и Мэг, и это было так непохоже на его прежнее хвастовство! Оле всё выслушал, резюмировал: «Она без ума от тебя, это ясно!», – и Карл возлюбил и его за эти слова.

После бессонной ночи, как это бывает только в юности, Карл не чувствовал себя ни вялым, ни сонным. До завтрака он успел появиться в церкви, где увидел Мэг, которая молилась вместе с Анной и Пегги, заметил, что девушка выглядит счастливой, и вознёсся на седьмое небо от счастья.

Во время завтрака королева всё время заговаривала с Моргаузой и пыталась вовлечь в разговор и Карла. Принц отвечал коротко, но не враждебно; со стороны казалось, что он просто смущён. Король и Моргауза так и думали, но Скульд то и дело бросал на племянника и на королеву задумчивые взгляды. Карл старался не касаться принцессы и не отвечал на её томные взгляды, и это больше не казалось Скульду капризом мальчишки. Тут всё было куда опаснее...

И это действительно, было опасно для планов Скульда, так как Карл, единственный в Элодисе, не признавал власти Скульда и не позволял собой командовать. Скульду приходилось использовать обходные пути и манипуляции, чтобы добиться своего; но это становилось всё сложнее делать, так как мальчишка был не глуп. Если Карл открыто восстанет против власти Скульда и скажет «Нет», сделать что-либо будет нельзя... Если, конечно, не поможет королева.

А это будет возможно только в том случае, если не вмешается какая-нибудь неприятность в виде какой-нибудь девчонки, которую Карл вообразит своей возлюбленной. И Скульд понял, что нужно выяснить немедленно, не та ли дикарка Юна помеха его планам, а если не она, то кто?..

Карл об этом вовсе не думал. Его мучило другое: ему было жаль Моргаузу. Любовь, переполнившая его до краёв, делала принца добрым ко всем вокруг, в том числе и к принцессе Моргаузе. Она не виновата, думал Карл, что её сделали игрушкой чужих интриг; поэтому вёл себя с принцессой гораздо приветливее, чем до сих пор. Моргауза торжествовала, и даже королева почувствовала надежду... Хотя видела, как старательно он *не* флиртовал с нею. Карл просто не хотел её обижать. В конце концов, если бы не Мэг, он, наверное, женился бы на принцессе, раз это так важно для королевства! Но в неполные девятнадцать лет нет ничего важнее любви, и Карлу казалось почётным, даже величественным принять ради любимой любые страдания... Тем более, что баловень семьи и судьбы, цены страданиям он не знал вовсе. Влюблённость сыпала перед ним жемчуг и розы, и дарила крылья за плечами... И ради этого ощущения, ради этого чувства полёта, Карл был готов на всё.

Умчавшись из трапезной, Карл смотрел со стены замка на Гранствилл, залитый полуденным солнцем, звоном кузниц и дымом. Город лежал перед ним, прекрасный, как шкатулка с драгоценностями... Надо ли говорить, какую драгоценность Карл имел в виду! Сердце его стало огромным и вместило всё, видимое и невидимое; никогда ещё он так остро не чувствовал, так полно не жил, как в эти часы! И никогда так не ощущал красоту видимого мира, как сейчас, когда высматривал в городе церковь, в которой сейчас находилась Мэг...

Оле позвал его, и следующие полтора часа они с криками гонялись друг за другом по двору и лестницам, сражаясь то с длинными шестами, то с секирами, то на топорах, то на мечах. В разгар шуточного сражения на низкой внутренней стене, отделявшей чистый двор от хозяйственных построек, появилась Моргауза с полной чашкой лесной клубники. Заинтересовавшись поединком, она устроилась на парапете, похожая со стороны на гибкого и мягкого зверя – горностаю или ласку. Обоим молодым людям она показалась очень красивой. Чёрная толстая коса изящной змеёй спускалась по плечу как раз в ложбинку между грудей, белая кожа была прозрачной и нежной, как воск, нежные мохнатые тени пролегали под огромными глазами... С её появлением поединок стал настоящим: они не могли не рисоваться перед прекрасной женщиной. Карл, заметив, что и Оле рисуется перед принцессой, против воли ощутил ревность и потерял всякую осторожность. Несколько минут они дрались всерьёз, и это не могло не кончиться так, как кончилось: более гибкий и быстрый, Карл ударил по запястью Оле, защищённому клёпаной кожей, и сильным ударом распорол ему куртку и кожу на груди, до самой ключицы. Оле выронил меч, отступая и глядя на свою грудь и не веря своим глазам. Карл, сам потрясённый тем, что сделал, быстро взглянул на Моргаузу: та стояла, оставив чашку; на тонких пальчиках её был клубничный сок – как кровь, в глазах – торжество. Ей нравилось, что они подрались, она была возбуждена видом крови; тонкие ноздри дрожали с видом жадным, даже хищным. Карл посмотрел на Оле. Тот отнял от раны руку, всю в крови, поднял глаза на Карла. В его взгляде были страх, недоумение, обида... Карл быстрым движением дёрнул ворот куртки и сам себе ножом порезал грудь – как у Оле, до самой ключицы. Оле вскрикнул, а Карл, прижав к ране ладонь, сжал этой ладонью руку Оле.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.